

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

УДК-821.161.1+801.73

Безруков Андрей Александрович
заведующий кафедрой
отечественной филологии и
журналистики ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»,
доктор филологических наук,
профессор (г. Армавир)

Bezrukov Andrey Aleksandrovich
the Head of the Department of
Russian Philology and Journalism,
Armavir State Pedagogical
University, Doctor of Philological
Sciences, Professor
(Armavir)

Павлов Юрий Михайлович
заведующий кафедрой
публицистики и журналистского
мастерства ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»,
доктор филологических наук,
профессор (г. Краснодар)

Pavlov Yury Mikhaylovich
The Head of the Department of
Journalism and Journalistic Skills,
Kuban State University, Philological
Sciences, Professor
(Krasnodar)

**«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: ТРИ
ФОРМУЛЫ ДОСТОЕВСКОГО
(К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)**

**«THE BROTHERS KARAMAZOV»:
DOSTOYEVSKY'S THREE
FORMULAS (TO THE ISSUE OF
FORMING A PERSONALITY IN
RUSSIAN CLASSICAL
LITERATURE)**

Аннотация:

Роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» справедливо оценивается литературоведами как итоговое, вершинное произведение классика русской литературы. Авторы ставили перед собой задачу рассмотрения идеи христианской страдательной любви как основы для художественного решения писателем проблемы становления личности, что представляется крайне актуальным для современного изменяющегося мира.

Abstract:

Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" is fairly estimated by literary critics as the final, topmost work of the classic of Russian literature. The authors set the task of considering the idea of Christian suffering love as the basis for the writer's artistic solution of the problem of forming a personality, which is seems extremely urgent for the modern changing world.

Ключевые слова:

христианство, гуманизм, живая жизнь, страдание, человеческая личность, формула смысла жизни, русская классическая литература.

Keywords:

Christianity, humanism, a living life, suffering, the human person, the meaning of life formula, Russian classical literature.

«Мрачный гений», «жестокий талант» – вот типичные определения творческой личности гения нашей литературы Ф.М. Достоевского. Первая часть книги В.В. Вересаева «Живая жизнь» посвящена сопоставительному анализу творчества Достоевского и Л. Толстого. Раздел о Достоевском писатель назвал «Человек проклят». Парадоксально, но в название книги – «Живая жизнь» – легла формула, выведенная самим Достоевским (см. ироничное обращение Достоевского к своим ученым оппонентам: «Живая жизнь от вас улетела, остались одни формулы и категории» [1, 27, с. 64]). Для нас очевидно, что Достоевский, разумеется, никак не соотносил, не мог соотнести приписываемый ему факт констатации проклятия человека с движением «живой жизни». Такое расхождение позиций Достоевского и Вересаева как комментатора его творчества определяется расхождением христианского и гуманистического взглядов на жизнь, на проблему становления (устроения) личности. По Достоевскому, *живая жизнь* есть жизнь, развивающаяся в направлении поиска, принятия и воплощения «высших идей», синтезированных в «идее Христа».

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) гений нашей литературы дал формулу высшего развития человеческой личности, формулу, которую он настойчиво художественно обосновывал и утверждал, начиная с первых шагов на поприще служения России и человечеству, с романа «Бедные люди»: «Самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование себя в пользу всех есть (...) признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли» [1, 5, с. 79].

Реализация этой формулы героями Достоевского – дело всей их романной жизни. Путь постепенного достижения героями «векового от века идеала человека во плоти» [выделено Ф.М. Достоевским – А.Б., Ю.П.], «идеала Христа» – путь, разумеется, сложный, поэтапный, противоречивый, как противоречивы сам человек, его природа.

Поиски героями писателя «идеи Христа», в том числе и теми героями, которых сам Достоевский мог бы назвать «делателями», «положительно прекрасными» людьми, шли параллельно с процессом *живой жизни* самого писателя. Ведут такие поиски и герои его вершинного, итогового романа «Братья Карамазовы».

Этот, по М. Бахтину, полифонический роман во всей его многоплановости, во всем его объеме, думается, можно попытаться свести к трем формулам, четко определяющим, на наш взгляд, этапы сознательного, свободного следования человека (и человечества в целом) за Христом в стремлении уподобиться Ему. (Величайший современник Достоевского А.С. Хомяков, проводя разделительную линию между католицизмом, протестантизмом и православием, первый определял как *единство без свободы*, второй – как *свободу без единства*, а православие – как *свободное единение людей, устремленных ко Христу*).

Первые две формулы Достоевского прозвучат в рассказе старца Зосимы о своей жизни. Третья же, впервые, и в специфической форме, произнесенная Дмитрием Карамазовым, набирая силу, фактически станет всеохватной, адекватно отвечая синтетическому духу христианства.

В ночь перед дуэлью молодой офицер, будущий старец Зосима, вдруг вспомнит о своем старшем брате Маркеле, о котором он не вспоминал с пятилетнего возраста. Брат его, безрассудный и дерзкий до прихода смертельной болезни, в период ее течения радикально меняется. Он начинает просить прощения у всех, перед кем он согрешил, даже у птичек. Осознание собственной греховности преображает Маркела, желание «виноватым быть» в его устах становится равнозначным желанию любить. В публичных рассуждениях Маркела о виноватости и о любви, о человеческом счастье и о человеческом предназначении рождается формула **«Всяк за всех виноват»**. Эти слова давно умершего брата о виновности всех за вся в ночь перед дуэлью вдруг оживут в сердце будущего старца Зосимы, вдруг прозвучат как откровение и резко изменят его судьбу. Уже на исходе жизни, обогащенной «опытом деятельной любви», в беседах с учениками старец растолкует желание брата Маркела «виноватым быть» следующим образом: «(...) возьми себя и сделай себя же *ответчиком за весь грех людской*, (...) ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что так оно и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват» [1, 14, с. 290].

То, что так радостно прочувствовал перед смертью брат старца Зосимы, что ожило и дало плоды в сердце праведного героя Достоевского, для большинства людей, вовсе не злых и способных на любовь, непонятно и

даже смешно. Один из таких людей обращается к будущему старцу, искренне не понимая смысла данной формулы: «...» да разве я могу быть за вас, например, виноват?» [1, 14, с. 273]. Сам Зосима, как и создатель его образа Достоевский, причину такого искреннего непонимания видит в том, что «весь мир уже на другую дорогу вышел», что «сущую ложь за правду считает» [1, 14, с. 273]. Показательно, что доктор-немец, лечивший Маркела, метаморфозу, произошедшую с героем, объясняет помутнением его рассудка по причине тяжелой болезни.

Итак, первая формула названа. Однако молодой офицер, отказавшийся от дуэли и решивший пойти в монахи, продолжает оставаться в городе, не может сделать следующий шаг. Разумеется, это неслучайно. Осознание своей собственной вины за все зло, происходящее вокруг и в мире – это лишь первый этап на пути к «идее Христа». Будущему старцу Зосиме еще предстоит встреча с таинственным посетителем, «многострадальным рабом Божиим Михаилом». Посетитель будущего старца совершил убийство, и муки совести буквально уничтожают его. Желания искупить свой грех благотворительностью, а затем и «тайною мукою сердца» для него недостаточно, а признаться прилюдно в совершенном им убийстве он пока не готов (а как же тогда жить невинным жене и детям?). Измученному герою требуется толчок извне. Таким толчком становится история молодого офицера, отказавшегося стреляться на дуэли. Именно к нему и приходит Михаил. И молодой человек помогает своему вечернему посетителю, подталкивает его к решительному самостоятельному поступку – публичному признанию в убийстве. Посетителю, как воздух, необходима такая деятельная любовь со стороны ближнего. Через муки собственного сердца будущий старец после двухнедельного ежевечернего общения с гостем, терзаясь вместе с ним, настоял на необходимости признания.

Однако не только вечернему гостю необходим был будущий старец Зосима, но и самому молодому офицеру в не меньшей степени необходим был этот таинственный посетитель. В черновых набросках романа в «Исповеди старца» это взаимная необходимость друг другу людей, идущих ко Христу, воплотиться в формуле **«Спасая других, сам спасаешься»** [выделено Ф.М. Достоевским. – А.Б., Ю.П.] [1, 15, с. 244].

Таким образом, к первой составляющей достижения «идеала Христа» *«Всяк за всех виноват»* органично присоединяется *«Спасая других, сам*

спасаешься». Приведем полностью интересующую нас запись из «Исповеди старца»: «За всех и за вся виноват, без этого не можешь спастись. Не можешь спастись, не можешь и спасти. *Спасая других, сам спасаешься*» [1, 15, с. 244].

Эта двуединая формула естественно и органично вливается в универсальную формулу христианства – ***пострадать хочу***.

К *пострадать хочу* (во всех оттенках, во всех формах проявления этого горячего человеческого стремления) как к духовному центру, дающему импульс движению *живой жизни*, сходятся судьбы многих, зачастую, столь непохожих, даже представляющихся абсолютными антагонистами, героев романа. Смысл стремления *пострадать*, по Достоевскому, приходит «высшему сердцу» человека как реализация потребности следовать Христу как «идеалу человека во плоти», поскольку сам Христос отдал «неповинную кровь за всех и все» [1, 14, с. 224].

Это стремление *пострадать* проявляется от желания Маркела «перед всеми виноватым быть» до жажды «горения ко Христу» Дмитрия Карамазова. Везде, где только может находиться человек, победно проявляется желание *пострадать хочу*. Даже на каторге, считает Дмитрий Карамазов, в рудниках, *под землей*, можно «жить, и любить, и страдать!» [1, 15, с. 31]. Даже в аду, считает старец Зосима, возможна эта жажда «жизнь свою (...) отдать за других, (...) в жертву людям принести», и, надеется старец, эта жажда послужит «им [грешным душам. – А.Б., Ю.П.] наконец к облегчению» [1, 14, с. 292-293].

«Мрачный гений» Достоевского, считают отдельные «светлые» носители гуманистического сознания, вызвал бесов в русской жизни (считай, пробудил их к действию). – Нет, считаем мы. Не вызвал, но выявил, высветил, вырвал из тьмы, для того, чтобы разглядеть их, чтобы иметь возможность бороться с ними и одолеть их. Гений Достоевского столь же светел, как и гений Пушкина. Совершенно справедливо сказал В.С. Непомятый: Достоевский буквально пронизан, пропитан Пушкиным. «В русской культуре, – считает выдающийся пушкинист, – есть кредо и формула:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Это – аристократическая формула достоинства и ответственности, ответственности духовной» [2, с. 242].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : В 30 т. – Л. : Наука, 1972-1992.
2. Непомнящий В.С. «Реванш истории» как явление русской культуры // Панарин А. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М. : Русский мир : Моск. учеб., 2005. – С. 417-422.

REFERENCES

1. Dostoevsky F.M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomah [A complete collection of works: in 30 volumes]. Leningrad: Nauka, 1972-1992.
2. Nepomnyashchiy V.S. "Revansh istorii" kak yavlenie russkoi kul'tury ["History revenge" as a phenomenon of Russian culture]. Panarin A. History Revenge: Russian strategic initiative in the XXI century. Moscow: Russky mir, 2005. Pp. 417-422.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Безруков А.А. «Братья Карамазовы»: три формулы Достоевского (к проблеме становления личности в русской классической литературе) / А.А. Безруков, Ю.М. Павлов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 128-133.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bezrukov A.A., Pavlov Y.M. «The Brothers Karamazov»: Dostoyevsky's three formulas (to the issue of forming a personality in Russian classical literature) / A.A. Bezrukov, Y.M. Pavlov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, vol. 1, iss. 1, pp. 128-133. (In Russian).